

УСТЮГОВА
Бека

Твоя
ИЗМЕНА
МОЯ **БОЛЬ**

18+

Вера Устюгова

Твои измены. Моя боль

<https://litres.ru/74417489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он изменял, я закрывала глаза на это. Он унижал, я молчала. Из-за серьезной травмы он лишился всего, но я осталась.

С самого начала наш брак был похож на фарс: свадьба ради выгоды родителей, никакой любви и уважения. Он – сынок банкира, мажор, если так еще кто-то говорит, Я – серая мышь, но с влиятельным отцом из госаппарата. Наш союз стал грузом для него и адом для меня. Адом, который он создавал специально, наказывая за женитьбу по принуждению.

Но все изменила одна ночь и одна трагедия. Она жестоко отняла его прежнюю жизнь, но подарила нам надежду на любовь.

Содержание

Глава 1. Ненавижу тебя	4
Глава 2. Хранительница очага	11
Глава 3. Иллюзия семьи	18
Глава 4. Наказать изменщика	27
Глава 5. Вина	32
Глава 6. Диагноз нам всем	37
Глава 7. Отрицание, гнев, депрессия	43
Глава 8. Партия	49
Глава 9. Иван-молодец	56
Глава 10. Обуза	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Твои измены. Моя боль

Глава 1. Ненавижу тебя

Перезаряжай, выстрели в спину
За то, что я любил тебя лишь наполовину
Сожги меня, пока я сплю в пустой квартире
Когда в твоих глазах огонь, ты настолько красивая
«Перезаряжай», Три дня дождя

Ненавижу клубы, ненавижу толпы пьяных людей, неумелодвигающихся на танцполе и цепляющихся ко всем подряд, кто попал в их поле видимости.

Ненавижу техно. В каком котле ада придумали эту музыку?

А еще... НЕНАВИЖУ ДЕНИСА ГРОМОВА, моего дорогого муженька, из-за которого я вынуждена прервать работу над диссертацией и ночью шляться по всем притонам города, чтобы найти этого засранца.

Все потому, что Денис портит репутацию семьи, выставляет нас, таких «образцовых», в невыгодном свете в обществе. Что там еще говорил мой отец, когда в истерике позвонил час назад?

«Ты его жена, вот и иди, ищи мужа и возвращай домой. Иначе какая из тебя женщина?»

Обидно, но я давно смирилась и с черствым характером папы и с тем, что этим летом он выгодно продал меня замуж за сыночка влиятельного банкира Громова.

Только вот я мечтала о тихом фиктивном браке, где каждый живет своей жизнью. А позже мы бы обязательно развелись, потому что совершенно не подходим друг другу.

Но у Дениса Громова были другие планы. Он хотел тусоваться, прожигать деньги своего отца и не обременять себя *«серой молью, на которой женятся только по принуждению»*.

Он сопротивлялся, устраивал цирк на всех ужинах, где родители пытались свести нас. Он нарочно пропустил день нашей росписи, и во второй раз в ЗАГС его привели охранники. С самого первого дня семейной жизни Денис с особым вкусом мстил. Причем мне в первую очередь.

Как будто это я приставила к его виску дуло пистолета и заставила расписаться в свидетельстве о браке.

Чертыхаюсь про себя, когда какой-то парень больно наступает мне на ногу и пачкает светлый замшевый ботинок.

– Девушка, простите меня, пожалуйста, – еле выговаривает он. Видно, что стадия опьянения уже хорошая, и языком управлять становится все труднее.

– Дайте мне пройти, – шиплю на него.

– Куда пройти? – но мое сопротивление его лишь сильнее распаляет, – Никуда вы не пройдете. Я сейчас закажу вам вкусный коктейль и заставлю танцевать со мной до утра.

– Я сейчас дам тебе коленом по одному месту, и свое время до утра ты проведешь в травмпункте.

Резко толкаю его и пользуюсь секундным замешательством. Пока мужик поднимается и проклиняет меня самыми нецензурными словами, оказываюсь у сцены.

А вот и дорогой муж.

Денис Громов себе не изменяет. Полуголый, в компании каких-то девиц – он кривляется на сцене и активно подзывает к себе зрителей. Больше и больше людей со смартфонами, которые обязательно все снимут и выложат в соцсети на «радость» Дмитрия Викторовича, его отца. И мне должно быть все равно.

Хочет обезьянничать и позорить себя на весь город – пожалуйста. Однако наши родители почему-то единогласно решили, что все скандалы, в которых появляется Денис, – моя вина. Не уследила, не заставила остепениться и стать примерным мужем.

Консерваторы чертовы. Женщина для них – причина всех бед мужика.

– Денис! – надрываю легкие и машу руками, пытаюсь привлечь внимание мужа, но все бесполезно. Денис так занят своим перформансом, что вряд ли увидит меня в этой толпе.

Тем временем на сцене намечается самая настоящая оргия. Две девушки уже сняли топы, обнажив грудь, на очереди последняя. И никому из них нет дела, что все это безобразие снимается на камеры незнакомых людей. Им весело и,

судя по странным неестественным движениям, очень даже весело.

Отлично. Можно не сомневаться, какие завтра будут заголовки в СМИ:

НАСЛЕДНИК ИМПЕРИИ ГРОМОВА УСТРАИВАЕТ ШОУ В КЛУБАХ МОСКВЫ.

Или нет:

СЫН ДМИТРИЯ ГРОМОВА БАЛУЕТСЯ ЗАПРЕЩЕННЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ И УСТРАИВАЕТ ОРГИИ В СТОЛИЧНЫХ КЛУБАХ.

По-моему, так даже лучше звучит.

– Денис, твою мать!!! – делаю еще одну попытку, – Слезай сейчас же!

– Девушка, дак вы идите на сцену, – раздается веселый женский голос за спиной.

Поворачиваюсь и встречаюсь взглядом с высокой блондинкой, которая в одной руке держит смартфон, а в другой – коктейль. Чудо, что на таких каблуках она еще не свалилась на меня и не разлила свою ярко-синюю жижу.

– Спасибо за совет, – язвительно кричу ей в ответ, но мысленно уже смирилась, что других вариантов у меня нет.

Окидываю взглядом клуб и понимаю, что заголовки-то завтра будут другие:

СВЕТЛАНА БОРИСОВА, ДОЧЬ ЧИНОВНИКА ГОСАППАРАТА, ЗАСТАЛА МУЖА ВО ВРЕМЯ ОРГИИ В ОДНОМ ИЗ СТОЛИЧНЫХ КЛУБОВ. ЧТО НА

ЭТО ОТВЕТИТ ЕЕ ОТЕЦ?

Стискиваю зубы, иду к лестнице и забираюсь на сцену, где в эту секунду вот-вот начнется совсем не безобидное дурачество с моим мужем в главной роли. Одна из девушек, с копной рыжих волос и разноцветной татуировкой на всю спину, подобралась к его джинсам и медленно расстегивает ремень.

Прячу глаза от слепящих софитов и обращенных на меня любопытных взглядам. Ужасно стыдно и противно. Чем я заслужила такое? Лучше бы родилась в обычной семье и сейчас работала где-нибудь официанткой, чтобы оплачивать обучение, а не выполняла прихоти отца.

Это только в слезливых сериалах или реалити-шоу абсолютно все дети обеспеченных родителей живут с золотой ложкой во рту. В жизни часто все иначе. Нет, конечно, наглые мажоры еще существуют, и один из таких примеров прямо сейчас на сцене клуба готовится снимать боксеры.

Я же с самого рождения участвую в какой-то гребаной гонке без финиша. В школе только пятерки, на гимнастике только золотые медали. Повезло лишь с вузом – мой самый обычный филологический оказался по душе отцу, который только занял кресло в министерстве образования. Оказалось солидно, что дочка чиновника учится в простом университете, да еще и на бюджете. Я действительно поступила сама. Хотелось иметь что-то свое и не зависеть от папеньки хотя бы здесь.

Возвращаюсь в реальность, когда дорогой муж замечает меня. Он нагло усмехается и кричит людям вниз:

– Воу, народ! Шоу переходит на новый уровень! Кто еще не купил билеты? Хотя стойте! Это же бесплатно! – орет во все горло Денис, – Только сегодня: Светлана Борисова, любимая дочка замминистра Андрея Борисова, участвует в нашем представлении. Света, хотите оседлать меня первой?

Мерзавец подносит микрофон к моему рту, и зал замирает.

В ушах начинает звенеть, но уже не от стыда. Я тоже не мечтала об этом браке. Я хотела просто получить магистерскую степень и избавиться от давления отца. Уехать из этого города туда, где родители не доберутся до меня и не перекроют кислород, как они это делают здесь постоянно.

Но вот я, как дура, стою на сцене и пытаюсь привести в чувства мажора, который возомнил, что ему все должны. Особенно я. Уверена, Денису Громову даже нравится, что я за ним везде бегаю и попадаю в такие дерьмовые ситуации.

Вот и сейчас он широко улыбается, довольный собой. И только в золотисто-карих глазах я вижу триумф вперемешку с отвращением ко мне.

Хочешь шоу? Получай!

Не знаю, откуда появляется столько сил и решимости, но я замахиваюсь и влепляю по этой наглой морде звонкую пощечину. Таковую, что голова моего обожаемого супруга дергается, и он на мгновение теряет ориентацию в пространстве.

Полуголые девки начинают визжать, люди внизу гудят от еще большего восторга. А я лишь молча спускаюсь и ухожу, разминая саднящую руку.

Плывать, какие завтра будут заголовки. Все, о чем я мечтаю, чтобы Денис Громов испытал боль, унижение и одиночество, в стократ превышавшие мои чувства.

Глава 2. Хранительница очага

Каждое воскресенье – традиционный обед у родителей. Они все ждут и верят, что мы придем вместе с Денисом, но после вчерашнего позора я приняла окончательное решение свести наши с ним контакты до минимума.

С чем, конечно же, не согласен мой отец.

– Почему опять без мужа, Светлана? – с укором спрашивает он, напрочь лишая аппетита.

Не понимаю его маниакального желания видеть нас с Денисом настоящей или подобием настоящей семьи, зная, что никакой любви между нами нет.

– Он не смог, и ты прекрасно знаешь почему, – язвительно отвечаю.

Неудивительно, что в СМИ сегодня тихо. Либо мой отец, либо Громов-старший все подчистили еще до выхода материалов в свет. Правильно, пусть не теряют сноровку. Уверена, Дениска не остановится на вчерашнем и придумает что-то масштабнее.

– А ты на что? – грубо вырывается у него, но деликатная рука матери останавливает вспышку гнева у папеньки.

– Андрюш, – своим мягким и невероятно женственным голосом тянет она, – Молодые и горячие. Дай им время привыкнуть друг к другу. А там, как говорят, «стерпится – слюбится».

Стерпится – слюбится? Спасибо, мам.

– Сколько еще времени им давать на привыкание? – не унимается отец, – Пора всюду внуков нам делать, а они... Сплошной бардак.

– Каких еще детей? – смотрю на него удивленно.

– Девочек и мальчиков, Света, – чеканит родитель, – Хватит уже в книжках и бумажках своих сидеть. Вся пылью покрылась. Когда ты в последний раз красилась и носила платья? А ходила в салон?

– Что, блин?! – вырывается у меня.

Нет, разговоры о моей внешности были и раньше. Андрей Всеволодович у нас – ценитель прекрасного, поэтому с самого детства мне доставалось за прыщи, пухлые щеки во время гормональной перестройки, неумение делать макияж и носить более женственные вещи.

И теперь на зло отцу я собираю волосы в пучок, практически не крашусь и ношу джинсы с удобными худи. Платья, заколочки и бантики появляются на мне скорее под принуждением папеньки.

– Андрюш! – даже мама удивлена такой критике в мою сторону, но, к сожалению, за этим столом сегодня и ей достается:

– Что, Андрюш? Марина, сколько тебя просил заниматься нашей дочерью, делать из нее леди, а не вечного ботаника?

– Хватит, папа! – присоединяюсь к общей ругани, – У меня впереди диссертация и наука, а не образ жизни содержан-

ки при богатом муже.

Знаю, что мои слова сейчас задели чувства мамы, которая жизнь отдала ради нашей семьи, став домохозяйкой на полном содержании мужа. Но силы терпеть эти нападки у меня тоже заканчиваются.

– У тебя впереди крепкий брак с сынком Громова и куча детишек, – продолжает свои наставления отец, – Поэтому сегодня ты заезжаешь в торговый центр, покупаешь красивые тряпки и едешь к мужу, чтобы он больше не снимал голых девок себе в кабаках.

– Если тебе так это надо, вот сам покупай красивые тряпки и ублажай моего мужа. Я не просила выдавать меня замуж за этого мажора!

– Не просила? Если бы я не устроил этот брак, к тебе бы никто добровольно на пушечный выстрел не подошел с этим образом жизни зубрилки. Осталась бы старой девой!

Вот она последняя капля.

Молча встаю из-за стола и направляюсь в коридор. Семейные обеды тоже пора свести до минимума.

Надеваю свои неженственные ботинки, теплый пуховик и заматываюсь шарфом. Все эти сапожки, элегантные пальто не для меня. Да и соблазнять Дениса Громова я вообще не планирую. Год еще протяну и первая побегу в ЗАГС подавать на развод.

– Светочка, – тихо шепчет мама и поправляет мне сзади шарф, как всегда это делала с детства.

– Мам, как ты живешь с ним?

– Ну ты попробуй, поживи с мужчиной столько, сколько мы с папой, – она улыбается, погружаясь в какие-то свои воспоминания, и начинает перечислять все «достоинства» брака с Андреем Борисовым, – Роди от него такую прекрасную дочку, пройди все печали и радости. Тоже поймешь, что любовь – это что-то большее, что не ограничивается физическими желаниями. Главное – стань для своего мужа опорой, сделай все, чтобы он чувствовал себя рядом с тобой комфортно.

Улыбаюсь в ответ ее наивности и качаю головой. И как только у такой невероятной женщины выросла такая дочь?

– Неужели тебе никогда не хотелось пожить для себя? Побить эгоисткой?

– А что мне это даст? – с непониманием в голосе спрашивает мама.

– Свободу.

– Зачем нужна эта свобода, когда рядом нет никого? Это уже не свобода, а одиночество.

– Но в одиночестве нет ничего плохого.

– В одиночестве и без мужчины женщина зачахнет, – заключает матушка.

Мда.

Скупно прощаюсь с родителями и оказываюсь на спасительной воле. Все, еженедельное мучение закончилось. Можно теперь заняться своими делами.

Возвращаюсь домой ближе к вечеру. Уставшая и с новыми покупками. Только не рюш и кружевного белья, как рекомендовал папочка, а с очередной стопкой книг.

Свежие хрустящие страницы в твердых обложках меня успокаивают, переносят в другие миры и дают забыться. Книги – это то, что я полюбила еще в школе и с удовольствием выбирала их вместо последних моделей телефонов и планшетов.

Вот и сейчас, предвкушая тихий вечер в компании Достоевского, захожу домой и точно не ожидаю подвоха.

А он меня уже ждет.

Закрываю за собой дверь, отключаю наушники от смартфона и замираю на месте. Вместо ожидаемой тишины меня встречают стоны и шлепки.

Очень пошлые женские стоны и влажные шлепки. И в первые секунды я надеюсь, что все это мне кажется.

– Дэээээн, – раздается протяжное скуление, – Дааа, вот так... сильнее...

Какого черта?!

Одна из негласных договоренностей нашего фиктивного брака – раздельное проживание. Да, эту квартиру нам подарили родители в честь свадьбы. Просторную, в элитном районе, рядом с парком. Но Денис здесь никогда не появлялся.

Мы жили в разных частях города и ни разу не оставались ночевать под одной крышей. Такой был уговор, который кое-

кто грязно нарушил.

Мне бы уйти, переждать ночь у подружки или снять номер в отеле, но не после вчерашнего...

Денис ведь этого и добивается – чтобы я убежала и в который раз проиграла ему. Однако сегодня, спасибо папе, у меня другое настроение.

Не раздеваясь, скидываю сумки на пол и практически с ноги открываю дверь в спальню. В мою спальню, с моим постельным бельем и вещами, которые теперь оскверняют эти двое.

Денис не обращает на меня никакого внимания, методично вдалбливаясь в ту самую рыжеволосую девку из клуба, которая вчера отчаянно пыталась снять с него штаны. Что ж, сегодня ей это удалось.

А вот она меня замечает, пугается и даже пытается вылезть из-под Громова-младшего.

– Денис, Денис, – отталкивает она его, – Денис!

– А? Что? – муженек, наконец, поднимает на меня глаза, ехидно улыбается, отбрасывает свою новую любовницу в сторону и встает передо мной, демонстрируя себя во всей красе.

Красивый мажорчик, в зал ходит регулярно. Зависаю на долю секунды, но Денису этого достаточно, чтобы начать смотреть на меня с еще большим триумфом.

Быстро одергиваю себя и спрашиваю с претензией в голосе:

– И что ты здесь забыл?

– Помнишь Веронику? Ты вчера отвлекла нас от очень важного занятия, – с довольной улыбкой говорит он, – Вот, наверстываем. Присоединишься?

Глава 3. Иллюзия семьи

Самый паршивый конец ноября в моей жизни. Все вокруг активно обсуждают планы на Новый год, а я заваливаю себя учебниками, чтобы меньше думать о предстоящих праздниках и не расстраиваться. Потому что в этом году меня ждет лишь полное одиночество под бой курантов.

И я отчасти смирилась с этой перспективой, но душа все равно ноет и просит чего-то другого.

Елки, оливье, советских фильмов по телевизору и семейной обстановки. Настоящей, где не нужно соответствовать и притворяться.

Без ожиданий и завышенных требований.

А пока мы имеем предвзятого отца, витающую в облаках маму и мужа...

– Помнишь Веронику? Ты вчера отвлекла нас от очень важного занятия, – с довольной улыбкой говорит он, – Вот, наверстываем. Присоединишь?

– Извини, ты не в моем вкусе, – обхожу Дениса стороной, поднимаю его футболку и кидаю в сторону рыжеволосой, – У вас есть пять минут, чтобы убраться из моей квартиры.

Смущение первых секунд перерастает в отвращение ко всему происходящему.

– Из твоей? – со смешком спрашивает «дорогой муж», – Ты, наверное, забыла, что это наш общий подарок на сва-

дьбу.

– Какой подарок? – подает голос Вероника, натягивая футболку, и я слышу в нем нотки недовольства.

– А ты ей не сказал? – вновь поворачиваюсь к Денису и произвольно окидываю взглядом его тело. Новая татуировка на ключице. Красивый дракон, хорошо прорисован. Жаль, что теперь будет жить на таком мерзавце.

– У нас не было времени, – с хитрой улыбкой отвечает мужчина, – Вероничка, познакомься. Светлана Андреевна Борисова – моя любимая супруга.

– Хватит паясничать, – качаю головой и иду к выходу из спальни. Делать мне здесь больше нечего. Переночую на диване, а завтра сожгу кровать и вызову клининг.

– Подожди-подожди, – Денис за два счета догоняет меня, преграждая путь рукой, – А повеселиться? Мое предложение еще в силе.

– Ты шутишь?

– Нет, – мотает головой, но по глазам вижу, что это лишь очередное издевательство. Сейчас он рассмеется и заявит что-то в духе: «С тобой даже выключенный свет не поможет». Или что там он еще говорил в мой адрес.

– Тогда откажусь, – опережаю его в оскорблениях, – Я слишком брезгливая для этого всего.

– Ооо как мы заговорили, – но Дениса как будто питают энергией наши перепалки, – Принцессой себя возомнила?

– Нет, – усмехаюсь, – Всего лишь дочерью Андрея Бори-

сова. Нажалуюсь своему папочке, и твой лишит тебя содержания до конца года, а твою шлюху выпрут с работы и учебы... Если, конечно, она чем-то еще занимается, кроме проституции.

– Денис?! – тут же возмущенно пищит рыжеволосая, – Почему эта...

Дальше я уже их не слышу. Надеваю наушники, прибавляю громкость и выхожу из квартиры.

*«Мне мало твоих пощёчин спускайся на метр вниз
Все раны на твоей шее – оставленный мной эскиз
Среди всех красок города ты выбрала чёрный цвет
Сказала, что я солнце, но я мёртвый рассвет
Больше нет чувств от сна в одной постели
Я любил тебя в четверг, но есть семь пятниц на неделе
Все остатки сигарет между нами поделены
Разбивай все зеркала, ведь так сказали мне демоны.»
«Перезаряжай», Три дня дождя*

Прошла неделя, и за это время Денис убрался из квартиры и города. К моему счастью.

Мажорчик укатил на горнолыжный курорт с друзьями открывать сезон, а я мысленно пожелала ему затеряться в горах и больше никогда не появляться в моей жизни.

Откуда такая жестокость? Сама удивлена.

Наверное, полгода «брака» забрали практически все силы и доброжелательность, а остатки решил высосать из меня любимый папа, который каждый свою день теперь начинает со звонка мне.

– Света, почему Денис уехал в Сочи без тебя? Ты видела, что он там творит?

– Позвони ему и спроси сам, почему он уехал, – сонно бормочу в трубку.

Кто вообще звонит в семь утра?

– Мне еще раз напомнить, что ты – его жена? – возобновляет привычную «шарманку» отец.

– Фиктивная жена, – поправляю его и нехотя выбираюсь из кровати.

Бреду в ванную по темному коридору, включаю мягкое освещение у раковины и начинаю разглядывать себя в зеркало, пока папа продолжает свои нравоучения.

– Настоящая! – любое упоминание про фиктивный брак только сильнее распаляет Андрея Всеволодовича, – Сколько раз мне повторить это, чтобы ты поняла? Ваш брак самый настоящий.

– Пап, – вздыхаю в трубку, потому что просто устала слушать одно и то же, – Ты веришь в то, что говоришь? Между нами нет ни любви, ни взаимоуважения...

– А причем тут любовь и уважение? – искренне не понимает отец, – Вам всего лишь нужно не вступать в скандалы. Видите себя прилично на людях, а что происходит дома, ме-

ня не касается.

– Ты серьезно? – просыпаюсь окончательно, – Ты настолько не любишь меня, что желаешь такую судьбу?

Не верю, что это мой отец. Да, он всегда был строгим, но не жестоким.

– Какую «такую»? Богатый муж, влияние в обществе, жизнь, где ты ни в чем не нуждаешься.

– А где в твоём списке преимуществ счастье? – делаю последнюю попытку возразить, но все бесполезно.

– Хватит уже книжки свои читать. Женщине иногда нужно включать дуру, тогда жизнь будет проще.

Дыши, Света, дыши...

– Не звони мне больше, пап, – принимаю самое правильное для себя решение. В какой-то момент это все равно бы произошло, но пусть хотя бы так. Без криков и драк.

– Что???

– Ты слышал.

Завершаю вызов и кидаю телефон куда-то в сторону.

В какой момент он стал таким? Женоненавистником и тираном.

Я ведь помню, как в детстве он водил меня в парк, учил играть в шахматы и хлопал громче всех, когда я рассказывала стишки на семейных праздниках. Пусть по-своему, но он любил меня и маму. Однако с возрастом его любовь превратилась во что-то страшное и непонятное.

Только мама как-то продолжает все это терпеть, а я... По-

жалуй, «пас».

– Свет?.. – откуда-то из-за спины раздается взволнованный голос Дашки, моей одноклассницы. Дожидаюсь, пока автомат нальет кофе, и поворачиваюсь к ней.

– Что такое? – напрягаюсь, когда вижу ее большие испуганные глаза, – Опять правки прислала Тамара?

На носу последняя зимняя сессия и первая предзащита диссертации. И Тамара Федоровна, наш научный руководитель, особенно сильно свирепствует в эти дни.

– Да какая Тамара, Свет? Ты заходишь в соцсети? Там твой Денис...

– Даже не начинай, – строго прошу подругу, потому что мне нет дела, что там вытворяет Денис. Пусть его отец за ним подтирает.

Агрессивно размешиваю свой кофе, выкидываю пластиковую ложку в урну и иду в сторону аудитории.

– Но Свет! – бежит за мной Даша, – Он трахнул свою Олю в прямом эфире! И транслировалось это все на ее страничке, где почти миллион подписчиков!

Вот черт...

Можно засекать обратный отсчет до звонка папеньки.

– Мне все равно, – делаю вид, что это правда, но сама мысленно кривлюсь при одном только упоминании постоянной любовницы мужа.

С Олей у нас особая любовь, крепкая и взаимная. Она

ненавидит меня, не понимая, что брак с Денисом мне навязали. А я ее. За все нападки, колкости и насмешливые взгляды.

– А твой отец? – то ли Даша действительно переживает, то ли любопытство ее настолько захватило, что она крепко держит меня за руку и не дает уйти от разговора.

– Мой отец с недавних пор был послан далеко и надолго.

– Оххх, Свет, – тянет подруга, но мне ее жалость ни к чему.

Как только пройдет защита диссертации, я уеду из этого города и подам на развод дистанционно. А пока просто хочется не видеться ни с отцом, ни с Денисом.

И с этими мыслями проходит сначала одна пара, потом другая и завершается день в университете консультацией с той самой грозной Тamarой. Но на меня ее гнев не распространяется. Спасибо папочке. Хоть где-то его министерская должность приносит мне плюсы.

Выхожу из корпуса нашего факультета, сажусь в автобус и только здесь замечаю сообщение от мамы. Правки по диссертации настолько захватили меня, что телефон все это время валялся где-то на дне сумки в беззвучном режиме.

Открываю мессенджер и начинаю вчитываться в текст:

Светочка, привет

Знаю, что вы сильно поругались с папой, и он наговорил тебе много плохого. Он погорячился, и я полностью на твоей стороне.

Однако прошу тебя помириться с ним. У него давление скачет, боюсь, сердце под конец года не выдержит столько потрясений. Еще Денис вытворяет...

Съезди к нему на работу, поговори лично. Он сегодня допоздна, сможете обсудить все спокойно.

Люблю и надеюсь на твое благоразумие.

Поражаюсь этой женщиной. Откуда у нее столько нервов терпеть своего мужа?

Но выбора у меня нет. Все же с мамой не хочется ругаться и портить отношения. Поэтому смиренно выхожу на следующей остановке и пересаживаюсь в такси.

Уже вечер, поэтому здание министерства полупустое. Во многих кабинетах и даже коридорах выключили свет, поэтому мне приходится светить фонариком на телефоне, чтобы найти нужную дверь.

БОРИСОВ АНДРЕЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Прохожу через личную приемную отца, стучу для приличия, а, когда никто не открывает, дергаю дверь на себя.

Лучше бы я проигнорировала просьбу мамы и не приезжала. Лучше бы я этого не видела.

Хочется зажмуриться и убежать, но ноги как будто прирастают к полу, и я застываю на месте.

Мой отец, который так помешан на семье, задерживается допоздна вовсе не из-за работы. И с сердцем у него определенно все в порядке.

Вот с давлением не уверена. Все же, если трахать свою секретаршу с таким усердием, давление в его возрасте точно будет скакать.

Глава 4. Наказать изменщика

Когда я впервые увидела, как изменяет Денис, то не почувствовала ничего. Абсолютно.

В нашем браке нет ни любви, ни дружеской симпатии, поэтому его бурная личная жизнь меня никак не касается. Пусть спит, с кем хочет, записывает прямые эфиры и светит голой пятой точкой перед всей страной.

Но отец...

Все это напоминает какой-то сюжет дешевой мелодрамы. Вот он замечает меня, кривится, как будто прервала его за чем-то очень важным, толкает от себя секретаршу Алену и начинает судорожно поправлять штаны.

– Не торопитесь, Андрей Всеволодович, я зайду в другой день, – бросаю этим двоим, захлопываю дверь и ухожу.

– Света! – кричит отец, но я зажимаю уши и ускоряю шаг.

Хочется тут же поехать к маме и все рассказать, потому что она точно заслуживает знать правду, но мне не дают это сделать.

Резко хватают за шиворот и силой тащат назад.

– Я разрешал тебе уходить? – грозно спрашивает папа.

– Мне больно, – шиплю и вырываюсь, а еще чувствую, как из глаз начинают течь слезы, но не от физической боли, а от обиды. Он ведь не только маме изменил, но и мне. Всю жизнь вдалбливал про значимость семьи, а сам развлекался

на работе.

– Заходи! – толкает меня в уже пустой кабинет и закрывает дверь на ключ, – И что ты здесь забыла?

– Я забыла? – шок и слезы сменяются на злость, – Это я должна спрашивать у тебя, что происходит.

Даже сейчас, когда его застучали за изменой, все равно виновата я.

– Ты ничего не видела.

– Не видела? Ты изменяешь маме, а я не видела?

Самое омерзительное в этой ситуации – вовсе не то, что происходило здесь пять минут назад. На лице Андрея Всеволодовича нет ни грамма сожаления, и это приводит меня в еще большую ярость.

Отец лишь вальяжно откидывается на спинку кресла и вздыхает от усталости.

– Мои отношения с мамой тебя не должны волновать. Мы с ней разберемся сами. Твоя задача – удержать собственную семью...

– Ты сейчас серьезно? – перебиваю от неожиданности.

– Да, серьезно, – чеканит отец, – Мне с Грозовым-старшим сейчас приходится много разговаривать с журналистами и отмывать репутацию твоего мужа. А ты в это время чем занимаешься?

– Я не верю...

– В своем университете торчишь целыми днями, – продолжает недовольно папа, намеренно уводя меня от главной

темы.

– Я расскажу все маме, – слезы высыхают, и голос уже не дрожит так предательски.

– Нет. Ты будешь молчать, – раздражается родитель.

– Молчать? И по воскресеньям на семейном обеде делать вид, что все в порядке?

– Именно так.

– Тебе самому не противно? – уже не удивляюсь его поведению.

– От чего мне должно быть противно? Это моя личная жизнь.

– Мама – твоя личная жизнь, – чувствую, как закипаю, – Хорошо. Если ты разлюбил ее, почему не разведешься? Зачем так унижать ее? Она волнуется, думает, что у тебя с сердцем проблемы. Ждет с работы.

– Чего ты от меня добиваешься сейчас?

– Я хочу, чтобы ты поехал домой и поговорил с ней. Рассказал правду... про свою личную жизнь.

– А дальше что?

– Дальше решение будет принимать мама.

– Давай представим, – зловеще начинает отец, – Я рассказываю ей про измены, мы разводимся, и твоя любимая мамочка оказывается на улице.

И говорит он это так... С особым удовольствием что ли, как будто картина, где мама остается на улице ни с чем, ему подняла настроение.

– Ты не поступишь так с ней...

У мамы действительно ничего нет. Ни работы, ни собственного капитала. И когда-то она добровольно приняла такое решение – посвятить всю жизнь семье. Только вот стоило ли оно того? Чтобы в случае развода оказаться бездомной и нищей.

– Еще как поступлю, – уверяет меня он, и не шутит. Вижу это по победной улыбке на лице.

– Но почему? Что она тебе сделала?

– Она? Ничего. И я ничего ей не сделаю, если ты будешь молчать.

Отец встает из-за стола и подходит к большому шкафу с десятками рабочих папок. Открывает один из ящиков и достает бутылку крепкого алкоголя. Разливает в два стакана и протягивает один мне.

– Спасибо, не буду, – мотаю головой и сильнее прижимаю к себе сумку. В зимнем пуховике становится нестерпимо жарко, но я не планирую раздеваться и задерживаться здесь.

– Тогда предлагаю поставить точку на сегодняшнем дне, – деловито заключает отец, – Ты ничего не видела, мама ничего не узнает, и все счастливы. Согласна? – добавляет с улыбкой и осушает свой стакан до дна.

– Я не...

– Хватит мямлить, Света! – резко кричит на меня, – Если ты не понимаешь по-хорошему, тогда объясню подробнее.

Только попробуй открыть свой рот, и я превращу ваши жизни с матерью в ад. Она вылетит из дома, а ты из универа. Все твои дипломы будут аннулированы, а все организации области ни за что не возьмут тебя на работу. Обе станете бомжевать и сгниете в канаве, потому что...

– Андрей... – врывается в кабинет Алена, – Всеволодович.

– Что? – достается и ей порция криков.

– Там Громов... Дмитрий Викторович звонит вам.

– Мне не до него сейчас.

– Денис разбился в горах, слетел с трассы во время катания на сноуборде.

– Чтоooo? – неожиданно бурно реагирует мужчина.

А я вновь замираю на месте и чувствую, как ужас от услышанного начинает медленно парализовывать все тело.

Глава 5. Вина

– Денис Дмитриевич..., – кажется, наш шок передается и Алене, потому что в следующую секунду девушка начинает мямлить еще сильнее, – Он катался с друзьями на сноуборде, а там сезон только открыли, трассу плохо оборудовали... Он был пьян и...

Как это похоже на Дениса.

– Машину срочно! – приводит ее в чувства отец и поворачивается ко мне, – А ты что сидишь? Живо за мной.

Дальше все происходит на каком-то автопилоте. К главному входу подъезжает служебная машина, мы садимся и мчим в одну из клиник, где лечится практически весь госаппарат. Лучшие врачи, новейшее оборудование – неудивительно, что Дениса повезут именно туда.

А еще спецборт МЧС, аккуратная транспортировка, бригада скорой, которая уже ждет в аэропорту, – пока едем, папа успевает обзвонить всех своих знакомых и договориться, чтобы моего мужа встретили в лучшем виде.

А я молюсь... Впервые за долгое время прошу Бога не допустить страшное, чувствуя вину перед Денисом. Сколько раз я нажелала ему всего самого худшего за последние дни?

И мои желания были услышаны кем-то наверху.

– О чем думаешь? – очень своевременный вопрос от отца заставляет вынырнуть из тяжелых мыслей и отложить про-

цесс самоуничтожения.

Поворачиваюсь и всматриваюсь в его хмурое лицо. Он больше не чувствует себя победителем, как это было полчаса назад в его кабинете. Травма Дениса ударит и по его планам.

– Он выживет? – задаю самый волнующий и, наверное, немного наивный вопрос, сжимая в запотевших ладошках смартфон. Маме я сообщила, и она тоже едет в больницу.

– Должен, – отвечает сначала уклончиво, но потом, неосознанно или нет, решает ударить меня побольнее, – Хотя, по мне, смерть была бы неплохим вариантом для этого парня.

– Ты о чем? – непонимающе смотрю на него.

– По предварительной оценке краснодарских врачей, у твоего Дениса серьезная травма позвоночника. Наши хирурги, конечно, сделают все возможное, да и Громов свозит своего сыночка за границу, если понадобится. Но сомневаюсь, что тот будет ходить.

Звучит как приговор. Причем не только для Дениса, но и меня.

Отворачиваюсь к окну, чтобы не показывать свою реакцию на его жестокие слова, а сама начинаю тихонько плакать. В такие моменты сразу вспоминаешь все прошлые обиды, скандалы и брошенные оскорбления. И они кажутся тебе мелочью, ничего не стоящим мгновением.

В больнице мы оказываемся раньше Громовых, и тут же попадаем в окружение. Журналисты, дежурившие у входа в

приемный покой, видят нашу машину и, как по команде, бегут навстречу.

– Андрей Всеволодович, вы можете как-то прокомментировать...

– Не сейчас!

– Светлана Андреевна...

– Дайте нам пройти!

– В каком состоянии Денис Громов?..

– Охрана?!

– Он будет жить?

Репортеры облепляют нас, как мухи, не давая сделать и шага. Поэтому охране клиники приходится выйти из теплого помещения и вместе с папиным водителем отогнать наглых журналистов.

Скорее забегаем внутрь и скрываемся в коридорах госпиталя, следуя за главврачом. Нас здесь уже ждет зареванная мама. Видит меня и крепко обнимает.

– Светочка, – шепчет так ласково и с такой любовью, что мне от ее утешений становится только хуже.

Вызываюсь из объятий и ухожу в конец коридора.

Гадко от всего. От измены папы и неприятного разговора, от его великолепной игры на публику. Потому что в данный момент он профессионально изображает любящего мужа, успокаивая маму.

Гадко и от себя, ведь еще по пути в больницу я приняла решение молчать. Какое-то время.

Папочка в одном прав. Если я сейчас взбунтую, то потеряю все и лишу маму ее комфортной жизни. Поэтому я должна подготовиться.

Слишком много на сегодня потрясений. Пока родители о чем-то разговаривают, я наматываю круги по всему этажу и не перестаю думать то о своей семье, то о фиктивном муже.

Дениса должны вот-вот привезти, самолет с ним уже приземлился в Москве. И Громы здесь. Только они какие-то слишком спокойные.

Если моя мама все еще плачет, то Алиса Сергеевна, мама Дениса, лишь постоянно смотрит в свое зеркальце и поправляет макияж. Дмитрий Викторович бежит каждые десять минут курить через запасной выход. А когда возвращается, утыкается в смартфон и с кем-то активно переписывается.

Возможно, они просто так переживают и сдерживают свои эмоции, но не отметить слишком явное внешнее спокойствие сложно.

Денис ведь – их единственный сын. За отца не уверена, но представляю, в какой истерике находилась бы моя мама, если бы на той чертовой горе упала я.

– Дениса Дмитриевича везут в операционную, – кричит на весь этаж молоденькая медсестра и убегает куда-то.

Мы за ней.

Бросаем все вещи и тоже бежим. Хочется увидеть Дениса

вживую и понять, насколько все серьезно.

А там все очень серьезно.

Оказываемся перед входом в операционную и сталкиваемся с бригадой, которая сопровождала мужа во время перелета.

— Мы рисковали, когда перевозили его на самолете сюда. Состояние нестабильное. Давление в воздухе могло сильнее повредить спинной мозг. Его ждет операция. Прогноз не даем.

Врач МЧС что-то обсуждает с главврачом клиники, пока я украдкой осматриваю Дениса. Куча проводов, ремней и какой-то чехол, напоминающий походный спальный мешок, только из другого материала.

Мужа практически не видно из-за всего этого, и я могу разглядеть лишь его макушку. А дальше Дениса увозят в предоперационный блок, отдаляя нас от него.

Впереди многочасовая операция, и нам остается только ждать и молиться.

Вдруг кто-то там сверху услышит.

Глава 6. Диагноз нам всем

– Скажите, Светлана, в каком состоянии сейчас ваш муж?

Операция длится уже три часа, но, вместо того чтобы ждать ее окончания со всеми, мне приходится выйти к журналистам и отвечать на бессмысленные вопросы. И я бы ни за что на это не согласилась, если бы не очередное принуждение отца.

– Света, иди сюда, – тихонько подзывает отец.

Главный врач больницы отдал свой кабинет под нашу большую семейку. Громы расползлись на удобном диванчике. Маму мы посадили на один из свободных стульев, а папа, как истинный царь, сразу же занял кресло самого главврача.

А я...

То одиноко подпирала стенку, то выходила в коридор, чтобы занять себя хоть чем-нибудь.

– Зачем? – шепчу, но тут же сдаюсь под строгим взглядом родителя и выхожу вслед за ним.

– Звонил мой пиарщик Инна. Журналисты все еще ждут у входа в клинику, – начинает издали, – Громы я к ним не пушу, а вот ты должна выйти.

– Куда? – сначала не понимаю его.

– К журналистам, Света. Ты его жена, поэтому быстро иди в уборную, приведись в порядок, и мы пойдем отве-

чать на вопросы этих падальщиков.

– *Это не ждет окончания операции?* – пытаюсь возразить.

– *Нет, Света, не ждет. Надеюсь, после нашего прошлого разговора ты будешь послушнее?* – отец умело давит на мое новое слабое место.

– Ему все еще проводят операцию, – стараюсь говорить четко и громко, не показывая лишних эмоций. Хотя они этого только и ждут.

– Какие прогнозы дают врачи?

– Вы же знаете, что здесь работают лучшие специалисты на новейшем оборудовании, которое производится в нашей стране, – вмешивается отец со своей рекламой, – О каких прогнозах идет речь? Денис встанет на ноги и сам расскажет вам об уровне медицины в регионе.

Хочется закатить глаза на его пламенную речь, но я позволяю себе лишь незаметно впиться ногтями в ладони рук.

– Светлана, вы переживаете за мужа?

– Переживаю... очень, – немного теряюсь из-за такого личного вопроса.

– Тогда почему не взяли его фамилию после свадьбы? – но журналист решает добить меня и пойти дальше.

Почему не взяла фамилию мужа? Странно становиться Громовой, когда наш брак фиктивный. Тем более родители не сильно возражали, в шутку договорившись с Громовыми, что у второго внука будет фамилия Борисов.

Им было смешно за праздничным столом в ресторане, а я вздохнуть свободно не могла из-за корсета свадебного платья и напивающегося в хлам Дениса, который как-то успевал в таком состоянии заигрывать с официантками.

– Возьмет, – вдруг резко меняет свое мнение отец, – Мы не объявляли об этом ранее, хотели сначала по-семейному отметить, а тут еще это несчастье, – театральная пауза, – Светлана с Денисом собирались венчаться в начале декабря, и в честь этого дочка планировала сделать мужу подарок и взять его фамилию.

Трагический тон, скорбь на лице. Прямо поборник семейных ценностей. Вы уж определитесь, Андрей Всеволодович с интонацией: то с Денисом все хорошо, и он скоро поправится, то вы его хороните.

Усмехаюсь про себя, но внешне продолжаю держать маску уверенности и дружелюбия.

– Да, – подыгрываю, чтобы поскорее закончить с этим шоу, – Все так.

– Светлана, а это правда, что Денис вам изменяет?

Как-то резко мы уходим от травмы, и я чувствую, как отец рядом напрягается.

– Мы это не комментируем, – быстро отвечает за нас пиар-менеджер, – Господа, у вас еще остались вопросы по травме Дениса Дмитриевича.

– Почему не комментируете? – кричит издали какой-то парень со смартфоном в руке вместо профессиональной ка-

меры, – Вы собираетесь венчаться, но ваш муж занимается сексом в прямом эфире. Как это понимать?

– Все, уходим, – недовольный папенька хватает меня за руку и, как тряпичную куклу, тащит за собой внутрь клиники.

Мне бы плакать от этого нескончаемого потока вранья во круг, но я начинаю громко смеяться. Прямо хохотать, чем вызываю удивление у всего персонала больницы.

– Прекрати, – реагирует отец, но его гнев лишь сильнее распаляет меня.

– Прекратить? Я ничего не начинала, – тычу в него указательным пальцем, – Это ты втягиваешь меня в этот позор. Какое еще венчание? Ты головой тронулся?

Знаю, что перехожу границы дозволенного, и тут же получаю за это. Отец не жалеет сил и влепляет мне звонкую пощечину.

На глазах медсестер и врачей, а еще журналистов, от которых нас отделяют лишь стеклянные двери.

Заслужила? Я так не считаю, но лишь молча прикладываю холодную ладонь к месту ушиба и возвращаюсь в кабинет главврача.

– Операция завершена, – отчитывается один из хирургов, – Прогнозы пока не даем. Нужно дождаться, когда Денис Дмитриевич очнется.

– А он скоро очнется? – начинает расспрашивать вра-

ча моя мама. Алиса Сергеевна и Дмитрий Викторович все также молчаливы и скупы на эмоции.

Странные люди.

– Прогнозы не даем, – хмуро повторяет хирург и прощается с нами.

Главный врач еще какое-то время успокаивает родителей и хвастается все тем же оборудованием, а я незаметно собираю вещи и шепчу маме:

– Я пошла, пока.

Да, это побег, но больше я здесь не нужна. Даже если Денис очнется в ближайшее время, он точно не обрадуется, увидев меня. Пусть с ним остаются его родители.

А я хочу забраться в душ и смыть всю грязь, накопившуюся за эти сутки. Так много всего произошло, что мне и часа в ванной не хватит.

Возвращаюсь домой сонная и голодная. Впервые за все время чувствую тягу к еде и, сняв обувь, бреду к холодильнику.

Замороженные овощи, яйца и сыр – смешиваю все в быстрый омлет и заряжаю кофемашину на, кажется, сотую чашку эспresso за сутки. Пока готовлю, успеваю отписаться Дашке и Тамаре, чью консультацию я сегодня пропускаю. И первая, и вторая жалеют меня и не мучают вопросами.

Сытая и чистая падаю на кровать, но желанное забвение не наступает. Ворочаюсь, меняю позы, в сотый раз поправляю подушку и со злостью кидаю ее в сторону, когда пони-

маю, что сон меня покинул.

Сдаюсь и достаю планшет из ящика прикроватной тумбочки. Может, если начну читать какую-нибудь статью для диссертации, усну от скуки.

Загружаю электронный документ, но быстро теряю интерес к учебе, когда телефон пиликает, оповещая о новом уведомлении.

Мама: Денис пришел в себя. Не чувствует ноги.

Я: Еду.

Глава 7. Отрицание, гнев, депрессия

Денис

Странные ощущения. Боли нет, но тело все равно ноет. Вот руки, могу шевелить пальцами, вот ноги...

Не понимаю. Кажется, что шевелю и ими, но физически ничего не чувствую.

Пустота. Все, что ниже пояса, будто не принадлежит мне.
– Денис? – зовет знакомый женский голос.

Слишком резко поворачиваю голову и сжимаю челюсти от неприятного шума в ушах. Еще это свет из окна. Слепит до невозможности.

– Закрой шторы, – хриплю в ответ.

Незнакомка встает, и в ее профиле я узнаю мать. Ты что тут забыла?

– Так лучше? – уточняет с приторной вежливостью в голосе.

– Где я?

– В клинике, которую шефствует Борисов.

Борисов. Значит, и семейка моей супруги тут.

– А где Света? – зачем-то интересуюсь женой.

– Не знаю, – матушка качает головой и возвращается в свое кресло.

Ей тут скучно – вижу по глазам. И если бы не отец, она бы давно грела свою жопу где-нибудь на Бали или Шри-Ланке. Алиса Громова не создана для семьи, но, к ее сожалению, вынуждена при людях играть безупречную жену и мать.

Вот и сейчас она то свои ногти рассматривает, то достает смартфон и с кем-то переписывается. Улыбается. Там ей интереснее, чем обмотанный сын, у которого, кажется, проблемы с ногами.

– Я стал инвалидом?

– Думаю, да – кивает без тени тревоги и сочувствия. Не виню ее за безразличие, так как по-другому у нас никогда и не было.

– Дерьмово.

– Согласна.

Света

Первое декабря, а на улице такое яркое солнце. Всю дорогу приходится щуриться и прикрывать лицо руками, чтобы разглядеть хоть что-то под ногами.

Добираюсь до больницы за рекордные для Москвы полчаса, вбегаю в пустой холл и чуть не врезаюсь в Дмитрия Викторовича.

– Здравствуйте, – мямлю от неожиданности.

– А, привет, Света, – мужчина нехотя отрывается от телефона и включает доброжелательную улыбку, – Ты чего здесь?

– К Денису пришла.

– Тогда иди в пятьсот восьмую палату. Там Алиса с ним. Она обрадуется, если ты заменишь ее. Денис должен скоро очнуться.

– Хорошо, спасибо, – не успеваю договорить последнее слово, а Громов-старший уже куда-то убегает.

Будь их воля, ни его, ни Алисы тут бы не было.

Оставляю вещи в гардеробной, надеваю бахилы и халат, заботливо выданный медсестрой, и по указателям иду в палату к мужу.

Не знаю, о чем мы будем говорить и сможем ли мы вообще нормально все обсудить, но я дохожу до нужной двери и решительно стучу.

Секунда, две, клацанье женских каблучков, и меня обдает духами Алисы.

– Света, – восклицает свекровь, как будто я сказочно осчастливила ее, – А Денис десять минут назад о тебе спрашивал. Ждал.

Слабо верится, но я изображаю улыбку и киваю в ответ.

– Здравствуйте, Алиса Сергеевна.

Захожу в палату и сразу начинаю искать глазами Дениса. Вот он. Смотрит на меня, не мигая, и в его карих глазах опять презрение.

Сейчас-то за что?

– Привет, – неловко здороваюсь с ним.

– Проходи, Светик, поближе к кровати, а я за кофе схожу. Женщина в считанные секунды испаряется, оставляя нас

одних.

– Я не звал тебя, – хмуро бормочет Денис.

Сажусь на краешек кровати, поправляя больничный халат.

– Знаю. Я сама пришла.

– Ты рада?

– Чему? – удивленно смотрю на него.

– Тому, что я стал инвалидом.

Шумно выдыхаю.

– К тебе уже заходили врачи?

– Да, провели какие-то обследования, поняли, что я не чувствую ног и вкололи побольше обезболи.

– Я думаю, пока рано ставить диагнозы. Операция только завершилась. Твоему телу нужно время на восстановление, – пытаюсь успокоить и его, и себя, но на Дениса мои слова действуют скорее раздражающе.

– Ммм, столько оптимизма.

– Сейчас я вполне реалистично рассуждаю. Даже если здесь тебе не помогут, с деньгами твоего отца...

– И где мой отец и его деньги? – вспыхивает мужчина.

– Я видела его в коридоре. Он с кем-то постоянно общается по телефону, – стараюсь сохранять спокойствие, – Уверена, Дмитрий Викторович уже договаривается перевозить тебя в Европу.

– Со шлюхой он своей по телефону общается, – криво усмехается Денис, – Какая ты наивная, Света.

И правда.

– Знаешь, впервые согласна с твоей колкостью, – теперь моя очередь усмехаться, – Пора уже перестать верить, что на этой планете еще остались порядочные мужчины.

– Правильно.

Денис прикрывает глаза, явно намекая, что наш разговор окончен, но я и не думаю уходить. Проходит пять минут, десять, а мы все молчим.

– Как я могу тебе помочь? – интересуюсь вполне искренне, но Денис, похоже, видит в моих словах очередной приступ жалости.

Открывает глаза и поднимает взгляд на меня.

– Себе помоги, – возвращается его грубый тон, – А лучше закатай сегодня вечеринку в честь того, что, наконец, избавилась от меня.

– Прекрати, – вслед за ним начинаю сердиться, – Я не собираюсь бросать тебя в таком...

Быстро осекаюсь и виновато смотрю на мужа.

– В каком состоянии? Калекой? Не будь душой, Света, иди уже, – он пытается приподняться на руках, но тут же падает обратно.

– Не шевелись, пожалуйста, – испуганно прошу, – После операции прошло еще мало времени, чтобы двигаться.

– Ты не поняла меня?

– Я не уйду!

– Проваливай! – срывается на крик, – Скорее беги к па-

почке и проси выписать нового мужа, целого и невредимого. А меня оставь в покое.

Про папу и нового мужа он зря сказал.

– Знаешь, что? – не сдерживаюсь, – Отталкивай людей дальше и останешься один где-нибудь в частном закрытом пансионате, куда тебя с радостью сдадут твои «любящие» родители. Идиот!

От злости срываю с себя халат, который все это время скачивался с плеч, и выбегаю из палаты в коридор.

Вот как у этого человека получается взбесить так, что мне хочется крушить все вокруг?

Глава 8. Партия

Две напряженные недели позади. Время летит со скоростью света, едва успеваю замечать, как пролетают дни.

За это время я досрочно сдаю сессию и дописываю главу диссертации, а еще устраиваюсь репетитором по русскому языку. Смешно сравнивать зарплату на новой работе с теми деньгами, которые ежемесячно поступают со счета отца. Но выбор у меня невелик.

Либо остаюсь выгодным активом папочки и выполняю все его прихоти, либо коплю деньги и в один день уезжаю из этого города, желательно вместе с мамой.

А пока приходится изображать послушную дочь и тщательно скрывать свои занятия с учениками. Иначе Андрей Борисов быстро раскусит мои планы, и им придет конец.

Ради этого хожу на воскресные обеды, всем улыбаюсь и на все соглашаюсь. Министерская елка в детском садике – пожалуйста, конкурс «Моя семья на Новый год» – и вот я позирую для фото у новогодней елки, которую мы с мамой украшали всю ночь.

В общем, играю роль идеальной Светланы Борисовой, гордости своего отца.

Смешно и тошно, но я отлично справляюсь.

– Светик, ты когда пойдешь к Денису? – в который раз спрашивает мама, пока я помогаю ей с ужином. Еще одна

прихоть отца – немедленно бросить все и явиться к ним сегодня вечером на «семейную посиделку».

Непроизвольно тяжело вздыхая и поворачиваюсь к ней:

– Не думаю, что он меня ждет.

– Ждет, – наивно заявляет мама, – Вам надо поговорить.

– И откуда такая уверенность? – спрашиваю с немного грустной улыбкой.

Денис... Вроде я должна злиться на него, в особенности за последний разговор, но не могу. Как он там? Родители все также часто навещают его или давно забросили?

Пару раз я порывалась прийти к нему в больницу, но останавливала себя. Мы ведь правда чужие люди. И если я его раздражаю своим присутствием, то нет смысла портить друг другу настроение.

– Я разговаривала вчера с Алисой, – шепотом начинает мама, поглядывая на вход в кухню. Неужели боится, что папа услышит что-то про Дениса? – У мужа твоего на прошлой неделе была еще одна операция. Костный мозг не пострадал, но чувствительности так и нет. Скорее всего Денис какое-то время будет передвигаться на коляске.

– А Европа? Израиль? Почему его не везут туда? У Дмитрия Викторовича резко деньги закончились? – слишком бурно реагирую, но под умоляющим взглядом мамы сбавляю тон и тоже перехожу на шепот, – К чему эта конспирация?

Замечаю виноватое выражение лица мамы и напрягаюсь. Что они опять придумали?

– Папа все расскажет после ужина, – загадочно отвечает она и тут же принимается изображать полную вовлеченность в готовку.

Утка с яблоками, салаты... торт – мы так даже на праздники не стараемся. А тут целый пир.

Когда на столе появляются декор, живые цветы и бабушкин столовый набор, я не сомневаюсь. Папочка опять задумал что-то грандиозное.

Что ж. Приходится натянуть на себя платье, распустить волосы и ждать гостей в своем самом приличном виде. В прошлый раз я так наряжалась для первой встречи с Громовыми.

Отгоняю от себя жуткие подозрения и иду открывать дверь «дорогому гостю».

– Ваня? – удивленно смотрю на папиного помощника, который нерешительно стоит в подъезде с букетом моих любимых лилий.

Иван Мелихов – сын губернатора одного из регионов нашей страны, а еще – папин заместитель. Переехал в столицу сразу после школы, отучился в лучшем вузе и устроился на очень хорошую позицию в министерстве.

Без отца-губернатора всего этого, конечно же, бы не было, но я нисколько не осуждаю Ваню, потому что сама родилась с золотой ложкой во рту.

Пропускаю парня в квартиру и даю ему новые тапочки.

– Привет, Светик, – слишком взбудоражено произносит

он, а я почему-то кривлюсь от его «Светик». Так меня называют только близкие и Денис... А для других мне не хочется быть Светиком.

– Привет, – отвечаю ему все еще удивленно.

Я ожидала увидеть за ужином папиного коллегу, очередного бизнесмена и вообще кого угодно, но не Ваню.

– Это тебе, – протягивает мне тот самый букет белых лилий и широко улыбается, – Я специально искал определенный сорт без специфического запаха. А то они все так воняют.

– Спасибо, – стараюсь быть вежливой.

– Иван! – приветствует своего помощника глава нашей семьи и так обнимает, по-отечески, как будто сто лет не виделись, – Света, скорее провожай гостя к столу, – а вот мне достается привычный командный тон.

– Проходи, – киваю Ване в сторону гостиной, а сама убегаю на кухню.

Аккуратно распаковываю букет от лишней бумаги и ставлю в вазу.

– Правда, Ваня постарался? – радостно спрашивает мама.

– Что происходит? Зачем отец позвал своего помощника к нам на ужин?

– Иван показывает хорошие результаты на работе и активно готовится к выборам в следующем году...

– А причем тут я? – все еще не понимаю, что в очередной раз придумали мои родители.

– Отец им очень гордится, вот и позвал на ужин, – тут же мама находит отговорку и тянет меня в гостиную, – Пошли.

Иду следом, сажусь за стол, конечно же рядом с Ваней, и внимательно смотрю на отца.

А тот безумно доволен собой.

– Светлана, Иван, – начинает папочка, и я опять напрягаюсь, – Как все-таки вы красиво вместе смотрите.

Что за...?

– Да, – подхватывает мама, – Молодые, порядочные, с правильным воспитанием...

– Ох, не смущайте меня, Марина Вадимовна, – отвечает ей Ваня. И такой счастливый от похвалы, что аж зубы от этой приторности сводит.

Весь ужин продолжается в том же духе. Родители шутят, нахваливают нас и почему-то обязательно сразу обоих, рассказывают про свою молодость и невероятно бесят своим поведением.

Особенно отец.

Зная всю изнанку их «любви» с матерью, меня мутит от этой идиллии. Хочется сбежать на улицу, на морозный воздух и отдышаться, но я терплю и выдавливаю из себя улыбку на каждую байку за столом.

Но вот ужин заканчивается, Иван как-то слишком нежно обнимает меня и уходит. Тут можно бы выдохнуть, но у отца другие планы.

– И как он тебе? – спрашивает мужчина, когда мама скры-

вается на кухне.

Отпиваю чай и не тороплюсь отвечать. Как он мне? Да, никак.

– Почему тебе это важно?

– Хочу, чтобы ты присмотрелась к нему, – ошарашивает своим ответом, и я давлюсь чаем от неожиданности.

Я строила разные теории в голове, пока мы ужинали, но чтобы «присмотреться к нему»...

– Я замужем за Денисом, – удачно прикрываюсь своим браком. Хотя где-то штамп в паспорте должен же мне пригодиться.

– Дениса твоего я давно списал, – абсолютно равнодушно говорит он, и я даже не удивляюсь такому безразличию. Вполне в духе Андрея Всеволодовича, – Даже если он встанет на ноги, слишком много хлопот. Иван же...

– погоди, – перебиваю отца, – Ты сейчас меня замуж выдаешь за своего Ивана?

Не верю, что все это происходит со мной. Новость о свадьбе с Денисом Грозовым была скорее неожиданностью, но не шоком.

А здесь...

– Да, выдаю, – без тени смущения отвечает родитель, – Иван все-таки наш, министерский. Дальше хочет развивать карьеру политика, идти по стопам отца. Ему сейчас очень нужна жена из приличной семьи.

– Мы что, блин, в девятнадцатом веке?!

– Сиди и слушай! – отец грозно пресекает мою попытку встать из-за стола, – Брак с сынком Громова был ошибкой и чуть не лишил меня должности. Иван не такой, понимает, как важна репутация в нашей системе. Он будет верным мужем для тебя.

– Таким же верным, как ты? – поддеваю его.

– Таким, который не устраивает прилюдные оргии и не позорит меня на всю страну.

– Я не выйду замуж за твоего Ивана, – делаю еще одну попытку возразить, но все напрасно.

– Выйдешь, – с угрожающей улыбкой говорит отец, – Как миленькая натянешь белое платье и побежишь в ЗАГС.

Глава 9. Иван-молодец

Последние пары перед каникулами проходят сумбурно. Дашка мечется и пытается закрыть долги, накопившиеся еще с прошлого семестра, веселит меня и заманивает то в кино, то на каток. Я же изображаю видимость учебы, а на остальное просто не хватает сил и желания.

Книги не читаются, лекции не пишутся – мои мысли скачут от Дениса, которого все бросили в больнице прямо перед Новым годом, до папочки и его Ивана. Последний особенно активно вмешивается в мою жизнь.

Цветы, кофе по утрам, встречи после пар, а еще попытки приобнять или поцеловать невзначай. Бррр...

Иван выбрал тактику преследования, и я бы с удовольствием убегала и пряталась от него, если бы не одно «но».

– Сегодня вы с Иваном идете в театр, – объявляет отец, и тон его голоса подчеркивает, что возражения не принимаются.

– Завтра освободи вечер. Я забронировал вам столик в новом ресторане у министерства. Надо, чтобы вы засветились на публике, – новый приказ.

– Светлана, когда ты отправишь документы на развод? – в очередной раз напоминает Андрей Всеволодович, – Мы уже все обсудили с Грозовым-старшим и решили разойтись мирно. Пиарики специально пустили слухи о вашем рас-

ставании после многочисленных измен Дениса. Пресса ждет официальный документ.

И все в таком духе.

Ежедневно мне приходится то выходить с Ванечкой в люди, то отбиваться от вопросов про развод. Причем эти вопросы задает не только папа. Его верный помощник все больше заявляет на меня права, хотя я ни словом, ни взглядом не давала ему «зеленый свет» на это.

– Светик, ты опять витаешь в облаках? – возвращает меня в реальность Даша.

Пара по зарубежной литературе тянется невыносимо долго. И если раньше я активно дискутировала с преподавателем, выступала на всех семинарах, то сейчас стараюсь затеряться среди одногруппников.

Ничего не хочу.

– Витаю, – со вздохом признаюсь подруге, наблюдая, как от Вани в мессенджере пришло новое сообщение. Уже пятое за эту минуту.

Открываю приложение и, видимо, слишком выразительно закатываю глаза.

– Что там, что там? – активизируется Дашка. Подруга до конца не понимает мое бедственное положение с новым женихом и видит в Иване исключительно положительного героя.

Поворачиваю экран в ее сторону и демонстрирую присланное фото. А на нем билеты в театр на какой-то балет.

Театры, премьеры авторских фильмов, открытия ресторанов друзей-бизнесменов – у моего отца развернулась бурная пиар-кампания нашего предстоящего брака, и Иван активно подыгрывает ему.

Я тоже подыгрываю родителю, натягиваю улыбку пошире и наряжаюсь на каждое такое свидание.

– Отец хочет, чтобы мы объявили о помолвке до Нового года, – с грустью признаюсь подруге.

Конечно, никакой свадьбы не будет. В голове уже вырисовывается новый план побега сразу после зимних каникул, но до этого времени мне придется притворяться и участвовать во всех мероприятиях, запланированных папочкой.

– А ты? – с придыханием спрашивает Даша.

Удивительно, но ей Иван очень даже понравился. И неважно, что этот брак будет таким же фиктивным, как с Денисом Грозовым.

– Объявим, иначе диплома мне не видать. Отец перекроет кислород и оставит меня на улице.

Даша лишь частично посвящена в мою жизнь. Она знает про ультиматумы Андрея Борисова и мое безвольное положение, но я не спешу рассказывать подруге абсолютно все. Особенно, что планирую показать папеньке средний палец и уехать подальше отсюда.

В любой город. Просто приду на вокзал в назначенный день и куплю билет на ближайший поезд. Все равно куда и что я там буду делать. Продолжу репетиторство или устро-

юсь продавцом на кассу – я буду счастлива любому варианту, потому что здесь меня ждет лишь ЗАГС и слащавый Иван.

Остается только мама.

Я думаю о ней каждый день и все больше убеждаюсь, что она никуда со мной не поедет. Поплачет, устроит истерику, но простит отца.

«Потому что женщина должна быть умнее».

Поэтому я оставляю ей письмо и свободу выбора. Захочет – приедет ко мне. Не захочет – я приму ее решение остаться и терпеть новые измены. А они точно будут. Не верю, что мамины слезы перевоспитают отца.

– Все же предлагаю тебе посмотреть на вашу свадьбу с Ваней под другим углом, – начинает свою «шарманку» подруга, – Он не будет тебе изменять и шлаться по клубам. Ты сможешь с ним спокойно защитить диссертацию и дальше заняться карьерой.

– Ох, Даша, – качаю головой, – Ты слишком плохо знаешь этих мужчин. Ваня с папой сделаны из одного теста. Не удивлюсь, если он тоже по вечерам запирается где-нибудь в министерстве с молоденькой секретаршей.

– Вот, не верю! – слишком громко реагирует подруга, чем привлекает внимание преподавателя.

– Так, Борисова и Афанасьева, вы сюда пришли учиться или обсуждать личную жизнь?

– Извините, – первая подаю голос и вновь утыкаюсь в тетрадку.

– Ваня не такой. Поверь моему чутью, – уже тише шепчет подруга, но я делаю вид, что полностью занята конспектом.

Такой он. И если выйду замуж за него, полностью повторю судьбу мамы.

Пары сегодня заканчиваются под вечер, поэтому я выхожу из аудитории и сразу иду к аппарату с кофе. Если не залью в себя дозу американо, усну по пути домой.

Настраиваю аппарат под нужный напиток, оплачиваю и жду, когда стаканчик наполнится до краев.

Радует, что Даша решила прогулять последнее занятие, и я избавлена от очередной порции хвалебных од Ивану. Скоро одно имя «жениха» будет вызывать во мне рвотные позывы.

Аппарат оповещает, что кофе готов, и я с удовольствием делаю большой глоток.

Хочется побыть несколько дней в одиночестве, никуда не ходить и никакого не изображать. А еще лучше – скорее сесть в поезд и выкинуть телефон где-нибудь по пути. А дальше будь что будет.

Расстраивает только, что придется попрощаться с учебой. Меня отчислят в ту же секунду, когда отец узнает о побеге. Он, конечно, бросится искать непутевую дочь, но быстро разочаруется и отстанет.

Таков характер у Андрея Борисова. Не привык папочка бегать за женщинами. И это мне на руку.

Допиваю кофе, кидаю стаканчик в мусорку и спускаюсь в раздевалку. Передаю сотруднице в гардеробной номерок и жду, когда она принесет мне дубленку.

– Вы во вторую смену, что ли, учитеесь? – раздается изда-
лека голос женщины.

– Да, много пар, – коротко отвечаю.

– Моя дочь тоже поздно заканчивает. А после уроков зуб-
рит по ночам свои лекции. Только она в медицинском, там
все строже. А вы на каком факультете?

От нежелательного допроса меня спасает звонок. Скорее
достаю телефон из недр сумки и подношу к уху.

– Алло?

– Светлана Андреевна? – раздается по ту сторону незна-
комый мужской голос.

– Да, это я.

– Вас беспокоит Роман Ильич, врач медицинского центра,
где сейчас лежит Денис Дмитриевич. Дело в том, что сегодня
мы выписываем вашего мужа, а за ним никто не приехал.

– Как это? – удивленно спрашиваю врача, хватаю дублен-
ку и выхожу на улицу, чтобы не удовлетворять любопытство
гардеробщицы.

– Это я вас должен спрашивать, – верно подмечает муж-
чина.

Все правильно. Все-таки я до сих пор замужем за Денисом
и не должна задавать такие глупые вопросы.

– Да, да, конечно, – соглашаюсь с замечанием врача, – Я

еду.

– Поторопитесь. Денис Дмитриевич уже четыре часа ждет, когда его заберут.

Глава 10. Обуза

«Денис Дмитриевич уже четыре часа ждет, когда его заберут».

Фраза, брошенная врачом напоследок, эхом раздается в моей голове и вызывает ноющую боль где-то в области сердца.

Я не должна переживать за Дениса и его дальнейшую судьбу, но все же мчу в больницу, умоляя водителя такси ехать быстрее, влетаю в приемный покой и чуть не сбиваю с ног какую-то женщину у входа.

– Девушка, аккуратнее!

– Простите! – кричу ей вслед.

Подхожу к стойке и с запыхавшимся голосом спрашиваю у медсестры:

– Где Денис? – вижу ее удивленное лицо и повторяю, – Громов Денис Дмитриевич. Его должны были выписать сегодня.

Девушка что-то молча вбивает в компьютере, еще раз смотрит на меня, проверяет со своими данными на экране и, наконец, выдает:

– А вы кто?

– Жена моя, – раздается где-то позади недовольный голос Дениса.

Тут же поворачиваюсь и со смесью облегчения и боли

смотрю на мужа. Ссадины на лице зажили, не осталось больше тех ужасных бинтов, которыми обмотали практически все его тело после первой операции.

Денис выглядел вполне румяным и здоровым... если бы не коляска. Самая простая и скорее всего выданная здесь, в больнице – Громы даже об этом не смогли позаботиться.

Помогая себе руками, Денис подъехал ко мне вплотную и обратился к медсестре:

– Вы дозвонились до моего отца?

– Дмитрий Викторович не отвечает, но нам позвонили из офиса его компании и обещали прислать для вас машину, – заискивающим голосом отчитывается медсестра.

Денис поджимает губы, наглядно демонстрируя все, что он думает о своей семье, разворачивается и уезжает к диванчикам в зоне ожидания. «Паркуется» в самом углу, чтобы никому не мешать, и упирается взглядом в окно.

Смотрю ему вслед и невольно начинаю испытывать жалость.

Нельзя, нельзя так думать, Света! Нельзя жалеть, нужно просто поддерживать. Если, конечно, Денису вообще сдавалась моя поддержка.

– Вот документы Дениса Дмитриевича и рекомендации по уходу, – отвлекает меня все та же медсестра и добавляет с сочувствием, – Сил вам.

Забираю тонкую синюю папку из рук девушки и иду к мужу.

Не жалеть, не жалеть. Убери со своего лица жалостливое выражение, Света!

– Привет.

– Можешь уезжать.

– Я за тобой, – игнорирую его колючий тон голоса.

– Зачем? – удивляется Денис, – Я же сказал тебе, что подпишу документы на развод. Ты свободна, Света.

Подхожу к одному из диванчиков и сажусь прямо напротив мужа, чтобы быть с ним на одном уровне.

– Все равно за тобой никто не приедет, – слишком жестко, но только так Денис меня услышит, – А в клинике ты остаться не можешь. На коляске далеко не уедешь.

– Молодец, Свет, – усмехается он, – Ученик превзошел своего учителя по колкости.

– Я не собираюсь с тобой нянчиться, – стараюсь говорить строже, чтобы не показывать ему мои реальные чувства, – Я просто не хочу оставлять тебя в беде.

Неожиданно на лице Дениса появляется улыбка.

– Светик, ты слишком много на себя берешь.

– Да, я знаю, но по-другому не могу.

– Значит, будешь подтирать за мной и кормить с ложечки? – с весельем спрашивает Денис, но я все же вижу грусть в его глазах.

– О, неееет! Фуууу, – дурачусь в ответ, со всей силы сжимая руки в кулаки, чтобы не допустить дрожь в голосе.

Мне его жалко. Безумно. И я ничего не могу с собой по-

делать. Кто-то решит, что это безрассудная благотворительность. Пусть!

А что до прошлых обид – как будто они обнулились в моей голове.

Так проходит еще полчаса. Мы продолжаем изредка переговариваться, пытаемся шутить или просто молчим, уткнувшись в пол.

Я вижу, как Денису неловко, как он не хочет находиться в более слабом положении по сравнению со мной.

Будто чувствую, что мыслями он где-то далеко и это не его тело, прикованное к коляске. Его тело, сильное и тренированное, кривляется на танцполе в клубе или рассекает трассу на сноуборде в горах.

Иногда жизнь несправедлива или вполне справедлива, но жестока.

Дениса наказали со всей суровостью. А, может, дали шанс начать все сначала.

Не знаю...

С этими тяжелыми мыслями мы ждем водителя, а, когда он появляется, немного оживляемся.

Сотрудник компании Громовых что-то спрашивает у медсестры, смотрит на нас и с улыбкой подходит.

– Денис Дмитриевич? – воодушевленно спрашивает мужчина.

– Я, – недовольно отвечает Денис, включая свой стандарт-

ный тон зажавшегося мажорчика.

Закатываю глаза и кулачком аккуратно бью муженька в плечо за его грубость.

– Добрый вечер, мы готовы ехать, – более дружелюбно здороваюсь с водителем и первая выхожу на улицу на свежий воздух.

Хорошо, что у этой больницы есть пандусы, и никому из нас не приходится помогать Денису спускаться. Вряд ли бы он спокойно перенес это унижение.

Радует еще и то, что Громы додумались прислать за сыном микроавтобус. Денис удивительно ловко хватается за поручень у сиденья и руками подтягивает себя в машину. Морщится от боли, но отмахивается от нашей помощи.

Я лишь молча сажусь следом и украдкой посматриваю на мужа, который пытается отдышаться.

– Не геройствуй так.

– Молчи лучше, Света.

Замолкаю, потому что нет сил спорить.

Отворачиваюсь к окну и всю оставшуюся дорогу пялюсь на заснеженные улицы. Везде елки, гирлянды и довольные прохожие с полными пакетами.

У людей сказка и ощущение праздника, а у меня – полная неопределенность в будущем. И эта неопределенность становится еще больше, когда мы оказываемся в квартире.

Смотрю на привычные комнаты и понимаю, что этот свежий дизайнерский ремонт непригоден для человека на ко-

ляске. Нет поручней, пороги между комнатами, узкие пространства, особенно в спальне – с трудом представляю, как мы будем здесь жить вдвоем.

Но ничего не поделать. Громы не спешат помогать сыну.

Разуваюсь, прохожу на кухню и ставлю чайник. Если не залью в себя еще один кофе, то не смогу нормально соображать.

Пока засыпаю новую порцию зерен и настраиваю кофемашину, Денис раздевается, чертыхаясь в коридоре, и уезжает в спальню. Не трогаю его – пусть осваивается без меня.

Выпиваю эспрессо, ставлю вариться пельмени, которые когда-то заботливо закинула в морозилку, и все же иду к мужу. Слишком долго он там один и слишком тихо в спальне.

Аккуратно поворачиваю ручку, открываю дверь на треть и застаю странную картину – Денис сидит в абсолютной темноте и смотрит в окно. Через несколько секунд все же замечает меня в отражении стекла и разворачивается.

– Что тебе надо? – слишком грубо спрашивает он.

Похоже, теперь это привычный тон для него.

– Пельмени будешь?

– Нет.

– Окей.

Вот и поговорили.

– Подожди! – вдруг резко останавливает меня Денис, – Попробуй позвонить моей матери. Может, хоть тебе она ответит.

Молча прохожу в комнату, включаю свет и набираю све-
кровь.

Долгие гудки, какой-то шорох и заплаканный голос Алисы Громовой отвечает:

– Света?

– Здравствуйте, Алиса Сергеевна, – растерянно бормочу в трубку, – У вас все в порядке?

Денис подъезжает ближе, окидывая меня заинтересованным взглядом.

– Нет, – новый всхлип, – Этот урод подал на развод! Ты представляешь? Он подал на развод и укатил жить со своей любовницей и новым сыночком.

Хорошо, что я села на кровать. Иначе этот бурный поток информации свалил бы меня с ног.

– Не понимаю вас...

– Что тут непонятного? – срывается на крик женщина, – Этот козлина сделал ребенка на стороне и выписал нас с Денисом из всех документов. Оказывается, его шалава пару дней назад родила нового наследника, здорового и более подходящего. И мы теперь ему не нужны.

– А Денис?

– Денис с инвалидностью? Несolidно для Дмитрия Громова.

– И что нам делать? – продолжаю заваливать ее глупыми вопросами.

– Ты – его жена, Света, – вот так просто заключает све-

кровь, – Ты им и занимайся. Мне, честно, не нужна эта обуза.

Тело охватывает мелкая дрожь, будто я мерзну. Смотрю на Дениса и понимаю, что он все прекрасно слышал.

Обуза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.